

СВОБОДА ВОЛИ И ПРАВО.

Проф. Н. А. ЗВЪРЕВА.

Прибавленіе къ „Энциклопедіи права“

МОСКВА.

Типо-литографія Н. В. Александрова, Арбатъ, бл. Арбат. воротъ, д. Платонова.

1898.

СВОБОДА ВОЛИ И ПРАВО.

I. ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА О СВОБОДѢ ВОЛИ ВЪ ОБЛАСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ, НРАВСТВЕННОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ.

Та способность нашей души, которая проявляется во внѣ желаніями и воплощеніемъ послѣднихъ въ дѣйствія, называется в о л е ю. По ходу изложенія намъ предстоитъ коснуться вопроса о томъ, свободенъ ли человекъ въ своихъ желаніяхъ и зависящей отъ нихъ дѣятельности, предоставленъ ли ему внутренній выборъ поступать такъ или иначе въ каждомъ данномъ случаѣ, — и, если предоставленъ, то въ какой мѣрѣ, — или, наоборотъ, онъ желаетъ и поступаетъ всегда и вездѣ не произвольно, а подъ роковымъ давленіемъ положенія. Это и есть знаменитый вопросъ о с в о б о д ѣ в о л и.

Не трудно понять, что вопросъ о свободѣ воли затрагиваетъ собою самые разнообразныя и дорогіе интересы человека и касается всѣхъ сторонъ его жизни; понятно также и то, что онъ имѣетъ живое практическое значеніе, не говоря уже объ его высокой теоретической важности.

Въ самомъ дѣлѣ, въ о б л а с т и р е л и г и о з -

и о й - это вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ ученіе о предопредѣленіи и загробномъ воздаяніи: если человекъ не хозяинъ своихъ дѣйствій, а послушный исполнитель верховныхъ предначертаній, то само собою разумѣется возникаетъ идея о "промыслѣ Божиемъ", пекущемся о мірѣ; съ другой стороны, для человека религіознаго возникаетъ тревожная мысль о грядущемъ судѣ и воздаяніи. Не въ меньшей связи съ вопросомъ о свободѣ воли стоитъ и богословское ученіе о "всеспасающей благодати Божіей", а это ученіе, въ свой чередъ, неразрывно связано съ ученіемъ о церкви и ея роли въ нашемъ спасеніи.

Въ области нравственной, обнимающей почти всѣ дѣянія человека, это - вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависятъ понятія о добрѣ и злѣ и участь ученія о нравственной отвѣтственности передъ ближними и самимъ собою. Если нашими дѣйствіями управляетъ посторонняя, непреодолимая сила, то нѣтъ и не можетъ быть ни добра, ни зла, какъ нѣтъ этикъ явленій въ природѣ, ибо и добрый и злой поступокъ необходимо предполагаютъ свободную волю совершающаго, а здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ проявленіями въ насъ посторонней силы; здѣсь, поэтому, мы можемъ говорить только о вредныхъ или полезныхъ дѣйствіяхъ, точно такъ же, какъ мы говоримъ о вредныхъ или полезныхъ явленіяхъ природы. При этомъ, съ общественной точки зрѣнія, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о нравственной оцѣнкѣ нашихъ поступковъ - объ осужденіи или одобреніи ихъ, а съ личной точки зрѣнія - о долгѣ

и отвѣтственности передъ самимъ собою, т.е. о совѣсти. Отсюда, — если я совершаю высокій подвигъ, я не могу ставить его себѣ въ заслугу, какъ не поставятъ его мнѣ и другіе; если я совершаю гнусное преступленіе — я не виню себя, какъ не могутъ винить меня и другіе: въ первомъ случаѣ, я — герой поневолѣ, во второмъ, я — злодѣй по необходимости.

Наконецъ, в ъ о б л а с т и п р а в а вопросъ о свободѣ воли обуславливаетъ собою самую возможность существованія юридическихъ нормъ, назначенныхъ регулировать наши отношенія. Если дѣйствія человека направляются посторонними причинами, то, конечно, нельзя требовать отъ него подчиненія этимъ нормамъ, ибо онъ не располагаетъ собою. Самая мысль регулировать наши отношенія нормами права теряетъ при этомъ всякій смыслъ, ибо невозможно регулировать то, что регулируется силою, не поддающею нашему воздействию. Еще менѣе основаній налагать на насъ отвѣтственность за дѣйствія непроизвольныя, т.е. толковать о вѣнненіи или объ юридическихъ послѣдствіяхъ нашихъ поступковъ и, ближайшимъ образомъ, о наказаніи въ обширномъ смыслѣ. Для права, слѣдовательно, какъ и для другихъ сферъ жизни, вопросъ о свободѣ воли имѣетъ первостепенное значеніе, почему онъ не можетъ быть обойденъ въ курсѣ юридической энциклопедіи.

Если вопросъ о свободѣ воли такъ глубоко затрогиваетъ всѣ стороны нашей жизни и, помимо теоретическаго интереса, имѣетъ живое практическое значеніе, то нѣтъ ни-

чего удивительнаго, что оная всегда волновала людей и приковывала къ себѣ ихъ вниманіе: сама жизнь, такъ сказать, постоянно выдвигала его впередъ и требовала того или другаго рѣшенія. И лучшіе умы всѣхъ вѣковъ много потрудились надъ этой задачей: нѣтъ ни одной сколько-нибудь важной философской системы, которая такъ или иначе не пыталась бы разрѣшить вопросъ о свободной волѣ. За невозможностью останавливаться на отдѣльныхъ попыткахъ, укажемъ лишь на главное направленіе въ рѣшеніи этого вопроса.

II. ДВѢ ОСНОВНЫЯ ГРУППЫ УЧЕНІЙ. УЧЕНІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ: БОГОСЛОВЫ И МАТЕРІАЛИСТЫ. УЧЕНІЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ.

Существующія ученія о свободѣ воли можно раздѣлить на двѣ большія группы, діаметрально противоположныя другъ другу по своимъ конечнымъ выводамъ: къ одной изъ нихъ относятся тѣ ученія, которыя рѣшаютъ вопросъ отрицательно, къ другой — тѣ, которыя рѣшаютъ его положительно. Къ первой группѣ примыкаютъ главнымъ образомъ богословы и матеріалисты, ко второй — идеалисты.

а | ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ УЧЕНІЯ. Страннымъ покажется съ перваго взгляда, что два столь противоположныхъ направленія, какъ религіозное и матеріалистическое, изъ которыхъ одно считаетъ своимъ догматомъ признаніе безсмертнаго духа, а другое выставяетъ такимъ же

догматомъ отрицаніе этого духа и утверженіе, что существуетъ только матерія; — страннымъ покажется, что эти два врага на жизнь и смерть приходятъ по основному вопросу о свободѣ воли къ одному и тому же результату: они дружно утверждаютъ, что человѣкъ не надѣленъ свободною волею и въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ посторонней силѣ. Этою силою одни изъ нихъ признаютъ волю Божию, другіе — законы матеріальной природы. Но, совпадая другъ съ другомъ въ конечныхъ выводахъ, религіозная мысль и матеріалистическая доктрина приходятъ къ нимъ совершенно различными путями.

Первая отправляется отъ точки зрѣнія, что все въ мірѣ совершается по предустановленному плану, которому люди слѣдуютъ неуклонно. Планъ этотъ начертанъ не только въ общемъ и цѣломъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ; при чемъ жизнь и отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества является лишь осуществленіемъ, воплощеніемъ мысли верховнаго существа. Ученіе это, известное подъ именемъ ф а т а л и з м а, съ особою силою существовало у древнихъ народовъ; въ полномъ и законченномъ видѣ оно существуетъ и теперь у народовъ восточныхъ, особенно у магометанъ. Оно, далѣе, нашло себѣ мѣсто и въ христіанской догмѣ подъ именемъ ученія о предопредѣленіи. Ученіе это было впервые теоретически обработано блаженнымъ Августинномъ, мыслителемъ конца IV и начала V-го вѣка, въ его полемическихъ письмахъ къ британскому монаху Пеллагію, признававшему въ человѣкѣ свободную волю. Позднѣе

оно было усвоено церковію и получило широкое распространіе между богословами средних вѣковъ. Къ нему примкнули, между прочимъ, Лютеръ и Кальвинъ. Въ болѣе близкое къ намъ время оно вновь возродилось въ трудахъ Воссвята и Фенелона.

М а т е р і а л и с т и ч е с к а я точка зрѣнія на вопросъ о свободѣ воли отправляется отъ положенія, что существуетъ только матерія, и что то, что обыкновенно называютъ духомъ, душою, разумомъ, есть лишь свойство, функція этой матеріи, и не болѣе. А такъ какъ матеріальный міръ подчиненъ въ своей жизни неизмѣннымъ законамъ, управляющимъ его явленіями, то и человѣкъ, какъ одна изъ составныхъ единицъ этого міра, находится подъ дѣйствіемъ тѣхъ же законовъ, направляющихъ и опредѣляющихъ всѣ его движенія. Поэтому, то, что онъ ощущаетъ, хочетъ, думаетъ, подчинено необходимымъ законамъ природы, какъ все сущее. И не только въ общемъ, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ управляется суммою внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, такъ что каждое его дѣйствіе является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ причинъ. О свободѣ воли, стало быть, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Матеріализмъ, какъ философская школа, — ученіе очень древнее, но его выводы относительно воли съ особою полнотою и послѣдовательностью развиты писателями конца прошлаго вѣка, имѣвшими ревностныхъ послѣдователей и въ текущемъ столѣтіи. Изъ первыхъ укажу на барона Гольбаха и де-Ламетри; изъ вторыхъ — на Мо-

лешота, Бюхнера и Фохта. Въ области юридическихъ наукъ взглядъ этотъ нашелъ себѣ наиболѣе послѣдовательнаго истолкователя въ Кнаппѣ | *Rechtsphilosophie* 1857 |.

Послѣдователи ученій, отрицающихъ свободу воли, не довольствуясь философскими основаніями къ даннымъ естествовѣдѣнію, ссылаются иногда на статистику въ подтвержденіе своего мнѣнія. Эти ссылки стали особенно часто повторяться въ послѣднее время, когда статистикѣ, дѣйствительно, удалось доказать, что міръ явленій, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является человѣкъ, управляется такими же постоянными законами, какъ и міръ физическій; а эти законы, — говорятъ отрицатели нашей внутренней свободы, — необходимо исключаютъ свободу нашихъ дѣйствій. Къ этой точкѣ зрѣнія намъ еще предстоитъ вернуться впоследствии.

б | ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ УЧЕНІЯ, представителями которыхъ являются главнымъ образомъ идеалисты — метафизики, рѣшаютъ вопросъ о свободѣ воли утвердительно. Мыслители этой группы находятъ, что человѣкъ свободно располагаетъ своими дѣйствіями и потому въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ поступать такъ или иначе, по выбору; — что его воля не связана никакими ограниченіями, кромѣ предписаній разума, которымъ она повинуется, и что, повтому, она всегда можетъ отказаться отъ одного рѣшенія и остановиться на другомъ. Главное основаніе къ такому выводу они видятъ, съ од-

ной стороны, въ нашемъ сознаниі, - въ присущемъ каждому человѣку убѣжденіи, что онъ располагаетъ собою, какъ захочетъ; съ другой, - въ видимой возможности поступать въ большей части случаевъ согласно своимъ намереніямъ. Ученія, признающія за человѣкомъ свободную волю, имѣли своихъ представителей во все время, частью потому, что они какъ бы подтверждаются ежедневнымъ опытомъ жизни, не провереннымъ строгимъ анализомъ, частью потому, что они всего болѣе отвѣчаютъ практическимъ требованіямъ общежитія, частью, наконецъ, потому, что они согласуются съ потребностями нашего сердца. Но особенно окрѣпли и распространились эти ученія со времени появленія философіи Канта и Фихте, поднявшихъ значеніе теоріи свободной воли своими глубокими изслѣдованіями. Сторонниковъ этого направленія очень много въ современной французской и нѣмецкой литературѣ; можно сказать даже, безъ преувеличенія, что ему въ настоящее время принадлежитъ преобладаніе.

Указавъ на два главныя направленія въ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли, мы не станемъ останавливаться на ихъ критикѣ, потому что направленія эти охарактеризованы нами самымъ бѣглымъ образомъ, а такая характеристика не даетъ достаточныхъ данныхъ для критической оцѣнки. Размѣстивъ существующія ученія по двумъ категоріямъ, мы не коснулись ихъ многочисленныхъ родовыхъ и видовыхъ подраздѣленій. Это особенно имѣетъ мѣсто по отношенію къ положительнымъ ученіямъ, между которыми можно указать на многія геніальныя попытки рѣ-

шить трудный вопрос. Критический анализ этихъ рѣшеній возможенъ, разумѣется, только при ихъ изложе- нии, для чего у насъ нѣтъ времени. Поэтому, мы прямо перейдемъ къ тому рѣшенію, которое намъ представля- ется наиболее правильнымъ, и начнемъ разсмотрѣніе дѣ- ла съ постановки вопроса.

III. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА:

ОСНОВНЫЯ И ПРОИЗВОДНЫЯ ЕГО ФОРМУЛЫ.

Извѣстно, что во всякомъ изслѣдованіи, какой бы научной области оно ни касалось, постановка или формулированіе изслѣдуемаго вопроса есть первая и въ высшей степени важная задача, отъ удачнаго раз- рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая судьба работы. Но въ области науки нѣтъ, быть можетъ, другой темы, въ которой постановка имѣла бы столь рѣшающее зна- ченіе, какъ въ изслѣдованіи вопроса о свободѣ во- ли. Мы рѣшаемся утверждать даже, что эта задача со- ставляетъ здѣсь центральный узелъ вопроса, и что значительная доля затрудненій, встрѣчаемыхъ при его рѣшеніи, объясняется именно тѣмъ, что самый вопросъ формулируется въ большинствѣ случаевъ или неправиль- но, или недостаточно отчетливо. Естественно, что на эту сторону дѣла мы прежде всего должны обратить осо- бенное вниманіе, въ надеждѣ, что заботливое ея обсу- жденіе поможетъ намъ стать на твердую почву.

Обыкновенно свободную волю опредѣляютъ, какъ волю, не подчиненную закону достаточнаго основанія или закону причинности, — какъ волю, исключющую необходимость или закономерность въ своихъ обнаруженіяхъ. ^х Это — традиціонная постановка вопроса, встрѣчаемая какъ у защитниковъ свободной воли, такъ и у ея отрицателей, — та постановка, съ которою мы свиклись, смились, и подъ которою мы обыкновенно представляемъ себѣ дѣло, какъ скоро заходить о немъ рѣчь: свободенъ тотъ, — думаемъ мы, — чьи дѣйствія не обусловливаются необходимостью и не предустанавливаются ею.

Всмотримся ближе въ эту постановку вопроса.

Наша внутренняя свобода опредѣляется здѣсь противоположеніемъ ея необходимости или причинности. Самъ по себѣ этотъ способъ опредѣленія понятій вполне законный, допускаемый и одобряемый логикою. Но бѣда въ томъ, что въ данномъ случаѣ имъ не пользуются до конца, а останавливаются на первомъ, начальномъ шагѣ. Желая опредѣлить свободу указан-

х | Подъ закономъ достаточнаго основанія или причинности мы разумѣемъ здѣсь тотъ всеобщій законъ міровданія, согласно которому все существующее непременно предполагаетъ достаточное основаніе своего существованія: всякое явленіе есть дѣйствіе своей причины, которою оно съ необходимостью вызывается.

нимъ противоположеніемъ, въ дѣйствительности самое противоположеніе оставляютъ нескрытымъ, неравн-ясненнымъ, безъ вывода тѣхъ слѣдствій, какія въ немъ заключаются, и тотчасъ же бросаютъ его, обращаясь къ другой сторонѣ дѣла. вмѣсто выясненія понятія СВОБОДЫ при помощи взятаго противоположенія, какъ бы слѣдовало ожидать, на первыхъ же порахъ обращаются къ понятію НЕСВОБОДЫ отождествляя его съ понятіемъ необходимости. Довольствуются тѣмъ, что понятенъ и ясенъ терминъ "необходимость", т.е. несвобода, стало быть, какъ бы заключаютъ отсюда, долженъ быть ясенъ и понятенъ и терминъ, ему противоположный, т.е. свобода. А между тѣмъ это, стало быть, болѣе нежели сомнительно. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ выяснитъ смыслъ установленнаго противоположенія.

Если необходимость, понимаемая вслѣдствіе законности или причинности явленій, есть несвобода, то въ чемъ же должно заключаться противоположное понятіе свободы? Въ качествѣ противоположнаго оно, очевидно, должно характеризоваться, обратными чертами. Свобода въ такомъ случаѣ можетъ и должна означать состояніе, не управляемое никакими нормами, неподчиненное никакому порядку, — случайное, анархическое. Съ этой точки зрѣнія свободная воля будетъ воля капризная, слѣпая: это — ничѣмъ не сдерживаемая сила, которая, въ своихъ движеніяхъ, бро-

сается изъ стороны въ сторону безъ всякой причины и основанія, неожиданно, стихійно... Едва ли даже можно представить себѣ такое состояніе, и если мы описываемъ его, то ничего другого не дѣлаемъ, какъ вскрываемъ содержаніе противоположенія, свади котораго, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего реального. Но если бы даже описываемое состояніе и можно было себѣ представить, то само собою ясно, что такъ никто и никогда не понималъ свободы воли. Самые убѣжденные и горячіе ея защитники никогда не согласились бы съ подобнымъ опредѣленіемъ. Они отказались бы отъ такой свободы, думаемъ, съ большою готовностію, нежели отъ самаго полного духовнаго рабства, ибо съ нравственной точки зрѣнія, на которой большинство ихъ стояло, это рабство все же лучше слѣпой, случайной и анархической силы, которая съ одинаковымъ безразличіемъ способна толкать человѣка и на высокій подвигъ, и на гнусное преступленіе, - которая съ тупымъ равнодушіемъ можетъ ваставить его стать злодѣемъ съ тѣмъ, чтобы превратить потомъ въ святого подвижника.

Выволъ получается невозможный, а между тѣмъ наше опредѣленіе свободы, повидимому, совершенно вѣрно, если брать источникомъ этого опредѣленія рассматриваемое противоположеніе. Ошибка кроется, слѣдовательно, именно въ этомъ противоположеніи, которое кажется достигающимъ своей цѣли, пока мы

имѣемъ дѣло съ понятіемъ несвободы, но которое тотчасъ же обнаруживаетъ свою внутреннюю пустоту, какъ скоро мы примѣняемъ его къ опредѣленію свободы.

И дѣйствительно, ни свободу вообще, ни свободу воли въ частности нельзя противопоставлять необходимости или причинности, ибо это — понятія, не имѣющія ничего общаго между собою или не соизмѣримыя, какъ несоизмѣримы, напримѣръ, понятія вѣса и цвѣта. Одно изъ нихъ, свобода, возникая на почвѣ внутренняго опыта, служитъ опредѣленіемъ нашихъ психическихъ состояній, и если прилагается къ явленіямъ внѣшняго міра, то лишь по аналогіи или въ переносномъ значеніи. Другое понятіе, необходимость, каково бы ни было его происхожденіе, служитъ понятіемъ, которымъ мы измѣряемъ взаимныя отношенія явленій во времени, если прилагаемъ его къ внутреннему міру, то лишь рассматривая его съ точки зрѣнія той же послѣдовательности душевныхъ феноменовъ. Оба понятія, — и субъективное понятіе свободы, и объективное понятіе необходимости, — характеризуютъ собою различныя стороны явленій, нисколько не противорѣчатъ другъ другу и еще менѣе отрицаютъ другъ друга. Напротивъ, они превосходно мирятся между собою и уживаются вмѣстѣ, какъ понятія разныхъ категорій, какъ звукъ и цвѣтъ, какъ вѣсъ и вкусъ. Употребляя логическіе термины, слѣдуетъ сказать, что это понятія не противоположныя, но различныя, способныя быть предикатами одного и того же предмета. Больше того,

въ дальнѣйшемъ изложеніи мы надѣемся показать, что свобода воли не только не отрицаетъ необходимости или причинности, но непременно предполагаетъ ее подъ специфическою формою сознательной мотиваціи дѣйствія.

Позволяемъ себѣ думать, что предыдущія соображенія достаточно выяснили ошибочность противоположенія свободы и необходимости. Мы съ особою силою настаиваемъ на этотъ выводъ, придавая ему важное значеніе. Онъ важенъ въ нашихъ главахъ потому, что имъ удовлетворительно разъясняются многія затрудненія и недоразумѣнія, которыми изобилуютъ попытки рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Но еще болѣе выводъ этотъ важенъ для насъ потому, что онъ является ключомъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ соображеніямъ: дуренъ онъ или хорошъ, ложенъ или вѣренъ, но въ немъ вся сила.

Понятіе свободы, какъ отрицаніе необходимости, есть самая обычная, распространенная и, прибавимъ, о с н о в н а я постановка вопроса, рядомъ съ которою существуютъ и другія ея формулы. Эти другія формулы мы назовемъ п р о и з в о д н ы м и, ибо онѣ сводятся на ту первую, которая названа основною. Происхожденіе производныхъ формулъ, встрѣчаемыхъ обыкновенно рядомъ съ основною въ качествѣ ея естественныхъ сосѣдокъ, объясняется, какъ намъ кажется, тѣмъ, что, наталкиваясь на неизбѣжныя, недо-

лимы затрудненія при рѣшеніи вопроса въ его обычной постановкѣ, писатели безотчетно ищутъ выхода изъ этого положенія и, за отсутствіемъ такового, столь же безотчетно прикрываютъ свои затрудненія словами, которыя на первый взглядъ какъ будто пособляютъ горю и выручаютъ изъ бѣды. На самомъ дѣлѣ, эти новыя формулы представляютъ собою, какъ мы сейчасъ увидимъ, лишь сведеніе вопроса къ менѣе ясному, отчетливому и строгимъ терминамъ, свади которыхъ скрывается все то же прежнее содержаніе. Во главѣ этихъ формулъ стоитъ знаменитое "*liberum arbitrium indifferentiae*"

Подъ "*liberum arbitrium indifferentiae*", какъ показывается самое выраженіе, разумѣютъ безразличный выборъ дѣйствій, составляющій содержаніе понятія свободной воли: свободенъ тотъ, кто при однихъ и тѣхъ же условіяхъ можетъ остановиться, по крайней мѣрѣ, на двухъ различныхъ рѣшеніяхъ и по своему выбору поступить такъ или иначе. Наиболее наглядное выраженіе этой постановки вопроса находимъ въ известной задачѣ ослѣ, приписываемой схоластику Буридану. Голодный ослѣ находится между двумя одинаковыми во всѣхъ отношеніяхъ стогами сѣна и поставленъ къ нимъ въ совершенно одинаковое положеніе. Если онъ несвободенъ и управляется мотивами, то онъ, очевидно, долженъ умереть съ голоду, ибо

въ немъ дѣйствуютъ два противоположныя влеченія, парализующія другъ друга: онъ не можетъ двинуться съ мѣста, потому что оба стога манятъ его съ одинаковою силою, но въ стороны противоположныя. Наоборотъ, если онъ свободенъ, т.е. способенъ къ безразличному выбору, выходъ открывается самъ собою: онъ направится по произволу въ ту или другую сторону.

Разсматривая эту новую постановку вопроса, нельзя не придти къ заключенію, что здѣсь, въ сущности, мы имѣемъ дѣло съ тѣми же прежними понятіями, прикрытыми лишь другими едва ли удачными словами, которыми можно довольствоваться равнѣ до тѣхъ поръ, пока не отдаешь себѣ въ нихъ яснаго отчета. Что значить б е з р а в л и ч н ы й в ы б о р ъ? Значить ли это, что человекъ склоняется въ пользу того или другого рѣшенія безъ всякаго основанія? что отъ этого рѣшенія онъ можетъ отказаться въ пользу другого рѣшенія безъ всякой причины или мотива, т.е. опять слѣпо, стихійно, случайно? Но тогда свобода вновь является подъ формою того анархическаго состоянія, о которомъ говорено выше. Если же это не такъ, то свободное рѣшеніе должно быть рѣшеніемъ мотивированнымъ, т.е. подчиненнымъ закону достаточнаго основанія. Очевидно, новая постановка вопроса вся и цѣликомъ покоится на ложномъ пониманіи термина "выборъ" и невозможномъ его сочетаніи съ опредѣленіемъ "безразличный". Выбирать не значитъ дѣйствовать безъ причины и предпочитать что-либо,

ничѣмъ не руководствуясь въ своемъ предпочтеніи. Если я закрываю глаза и наудачу беру одинъ изъ многихъ поднесенныхъ предметовъ, если я опускаю руку въ закрытый ящикъ и вынимаю одинъ изъ многихъ, вложенныхъ туда, шаровъ, то это - не выборъ, а лоттерея. Здѣсь нѣтъ выбора потому, что нѣтъ сознательной мотивациі дѣйствія: выбирать значитъ именно предпочитать что-либо предъ всѣмъ прочимъ по какому-либо основанію. Поэтому выраженіе "б е в р а в л и ч н ы й в ы б о р ъ" есть *contradictio in adjecto* : опредѣленіемъ отрицается то, что необходимо содержится въ опредѣляемомъ. А если выборъ всегда и непременно предполагаетъ сознательную мотивацию дѣйствія, то онъ, слѣдовательно, подчиненъ закону причинности. Такимъ образомъ, съ новою постановкою вопроса мы ни на шагъ не подвинулись впередъ, а остаемся тамъ же, гдѣ были и ранѣе.

Свободу воли опредѣляютъ, далѣе, какъ способность "п р е д п р и н и м а т ь о т ь с е б я р я д ъ и з м ѣ н е н і я" или "самоу полагать основаніе своихъ дѣйствій". Ту же мысль выражаютъ короче, характеризуя нашу внутреннюю свободу, какъ "самоопредѣленіе", "самопочинъ", "самопричинность" и т. п. Словомъ, варіаціей этой формулы много, причемъ всѣ онѣ различаются между собою только внѣшнею своею формою.

Не трудно видѣть, что всѣ эти опредѣленія свободы подпадаютъ тому же упреку, какъ и рассмотрѣнные выше, и что въ дѣйствительности они не уясняютъ вопро-

са, а только маскируютъ его. Ясно, что будемъ ли мы опредѣлять свободу воли какъ способность "предпринимать отъ себя измѣненія" или "полагать основанія своихъ дѣйствій", какъ "самоопредѣленіе" или "самопочинъ", — мы не можемъ отдѣлаться отъ дальнѣйшаго вопроса, къ которому сводится все дѣло: какъ это происходитъ? Какъ воля предпринимаетъ отъ себя измѣненія или полагаетъ основаніе своихъ дѣйствій? Дѣлаетъ ли она это по какому-нибудь мотиву или нѣтъ? Если по мотиву, то мы имѣемъ передъ собою волю, связанную этимъ мотивомъ и, слѣдовательно, подчиненную закону причинности; если нѣтъ, то воля опять является въ видѣ слѣпой и анархической силы. Иного выхода нѣтъ. Новыя опредѣленія скрываютъ, стало быть, все тѣ же прежнія затрудненія, которыхъ они не устраняютъ и не разрѣшаютъ. вмѣсто отвѣта на вопросъ, они даютъ болѣе или менѣе остроумныя комбинаціи выраженій, имѣющія внѣшній видъ рѣшенія задачи, но страдающія внутреннимъ и неизлѣчимымъ наследственнымъ недугомъ.

Наконецъ, иногда опредѣляютъ свободу воли, какъ внутренній "творческій актъ", отъ себя начинающій совершенно новое дѣйствіе, причемъ отступаютъ отъ обычнаго пониманія закона причинности: подъ причиною разумѣютъ дѣйствующую силу или мощь, которая производитъ или вновь рождаетъ слѣдствіе, — дѣятеля, предполагаемаго всякимъ дѣйствіемъ. Антропоморфизируя понятіе причины, хотятъ примирить нашу вну-

треннюю свободу съ закономъ достаточнаго основанія: наши дѣйствія имѣютъ причину въ насъ, какъ дѣятеляхъ, но они свободны, такъ какъ вызваны къ жизни творческими актами нашей воли.

Намъ кажется, что эта новая попытка рѣшенія вопроса мало чѣмъ разнится отъ предыдущихъ и вызываетъ аналогическія возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, если свобода есть творческій актъ дѣятеля, опять возникаетъ прежній вопросъ въ новой формѣ: какъ происходитъ этотъ таинственный актъ? Одно изъ двухъ: или онъ совершается по какому-нибудь внутреннему основанію, вызывается какою-нибудь причиною, и тогда его творчество является обусловленнымъ и въ этомъ смыслѣ необходимо, - или онъ рѣшительно никакъ и ничѣмъ не связанъ, и тогда онъ абсолютно случаенъ со всѣми роковыми послѣдствіями такой случайности. *Tertium non datur.*

Останавливаясь на первомъ предположеніи, т.е. считая творчество чѣмъ-либо обусловленнымъ внутренно, мы будемъ имѣть предъ собою простое явленіе причинной зависимости, отмѣченное, въ лучшемъ случаѣ, нѣкоторыми специфическими чертами. Пусть эта зависимость выражается въ мотиваціи дѣйствій, какъ особомъ видѣ духовной причинности, отличной отъ причинности механической, что, на нашъ взглядъ, совершенно вѣрно; пусть специфическимъ ея признакомъ является цѣлесообразность нашихъ дѣйствій, нарушающая слѣпое теченіе механическихъ процессовъ природы; но все же это будетъ при-

чинная зависимость, связывающая собою отдѣльныя звенья цѣпи явленій, — такая зависимость, при которой уже нельзя говорить о творческихъ актахъ, отъ себя начинающихъ совершенно новыя дѣйствія.

Переходя къ другому предположенію, что творческій актъ ничѣмъ не связанъ, мы будемъ имѣть случай, въ которомъ нѣтъ мѣста никакой причинной зависимости. Таковъ именно долженъ быть смыслъ рассматриваемаго опредѣленія свободы, если только оно не заключаетъ въ себѣ нѣкоторой игры словами. Но если видѣть въ выраженіяхъ нашей свободы дѣйствительные творческіе акты, не вызванные никакими причинами, то, очевидно, всякое свободное дѣйствіе будетъ чудомъ въ точномъ значеніи слова; а наша жизнь — ареною непрерывныхъ чудесъ. Съ этимъ, пожалуй, и можно бы согласиться, еслибы мы оставили претензію объяснять, что такое свобода; но съ точки зрѣнія искомаго объясненія отвѣтъ представляется неудовлетворительнымъ, ибо объявить чудомъ какое-нибудь явленіе значитъ сознаться, что мы не понимаемъ его. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, подобное сознаніе не было бы большою неожиданностью: мудрено въ чемъ-либо отрицать безнаказанно законъ причинности, утверждая въ то же время, что онъ есть "самый коренной, всякое знаніе предупреждающій законъ нашей мысли", ея "самоочевидный постулатъ". Отвергнувъ его, мы, естественно, получимъ въ результатѣ

такое состояніе явленій, котораго ни мыслить, ни представить себѣ мы не можемъ, т.е. состояніе ихъ абсолютной случайности.

Такимъ образомъ, оба предположенія являются одинаково неудачными, а между тѣмъ оба они вытекаютъ изъ новаго формулированія закона причинности, въ чемъ, намъ кажется, заключается коренная ошибка рассматриваемой попытки опредѣленія свободной воли. Кромѣ неясности, дающей возможность повернуть рѣшеніе вопроса въ стороны противоположныя, это новое формулированіе въ сущности не содержитъ ничего новаго. Напротивъ, изъ-за него упорно и настойчиво выглядываетъ прежнее понятіе. Причина, — говорятъ намъ, — есть сила, производящая явленіе; она — дѣятель, котораго мы непременно должны искать, какъ скоро дано дѣйствіе. Допустимъ; но не ясно ли, что на этой силѣ и этомъ дѣятелѣ мы не можемъ остановиться, какъ на послѣднемъ рѣшеніи вопроса? Невольно и неустраимо возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какъ дѣйствуетъ эта сила или этотъ дѣятель? По какому нибудь основанію или безъ такового? Другими словами, мы вновь возвращаемся къ обычному пониманію закона причинности.

Намъ остается коснуться еще одного оригинальнаго утвержденія относительно опредѣленія свободы воли, какъ отрицанія необходимости или какъ способности къ безразличному выбору дѣйствій. Опредѣленіе это, — соглашаются порою его сторонники, — и р р а ц і о н а л ь н о,

съ чѣмъ, какъ видитъ читатель, мы совершенно согласны; но, — прибавляютъ они, — мы не можемъ, не въ силахъ отказать отъ него, потому что въ его терминахъ обсуждаются нами всѣ дѣйствія человѣка и при его помощи произносится нравственный судъ надъ ними. Мы, разумѣется, не можемъ согласиться съ такимъ утвержденіемъ и постараемся показать, что понятіе свободы, вдвинутое въ свои естественныя границы, не заключаетъ въ себѣ ничего ирраціональнаго. Но не можемъ не сказать, что авторы этого утвержденія занимаютъ позицію неуязвимую, ибо съ ними нельзя бороться какими-либо аргументами. На вскій доводъ противника они всегда могутъ отвѣтить, что нечего убѣждать ихъ въ томъ, въ чемъ они сами убѣждены, — въ ирраціональности противоположенія свободы и необходимости или возможности безразличнаго выбора. Далѣе разсужденія должны, разумѣется, прекратиться, потому что нѣтъ почвы, на которой можно было бы вести ихъ. Но, неуязвимое логическими аргументами, признаніе ирраціональнаго характера нашей внутренней свободы служитъ для насъ новымъ доказательствомъ того, какъ велика сила и власть традицій, и какъ трудно отказать отъ привычныхъ формъ мысли хотя бы и ошибочныхъ.

IV. ЧТО НУЖНО РАЗУМѢТЬ ПОДЪ СВОБОДОЮ ВОЛИ? ПРАВ-
СТВЕННЫЯ И БЕЗПРАВСТВЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ. СВОБОДА ВЫ-
БОРА И МОРАЛЬНАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ.

Переходимъ отъ критической части нашихъ сообра-
женій къ конструктивной. Здѣсь, на первомъ планѣ, дол-
женъ, конечно, стоять для насъ вопросъ о дѣйстви-
тельномъ содержаніи свободы воли: если внутренняя свобо-
да не опредѣляется ни основнымъ противоположеніемъ
ея необходимости, ни другими производными формулами
этого противоположенія, то въ чемъ же она заключает-
ся?

Для разъясненія вопроса обратимся къ явленіямъ
вседневнаго опыта.

Разсматривая тѣ движенія человѣка, въ которыхъ
не участвуетъ его сознаніе, мы
обыкновенно не находимъ даже повода говорить о сво-
бодѣ воли. Если я ворочаюсь во снѣ, или, увлеченный
чтеніемъ, машинально перевортываю листы книги, я, оче-
видно, лишенъ возможности разсматривать эти движенія
съ точки зрѣнія моей внутренней свободы, именно пото-
му, что въ нихъ не участвуетъ мое сознаніе, что они
являются автоматическими. Стало быть, всѣ явленія
этого рода лежатъ внѣ области обсуждаемаго вопроса.

Точно также неприложима точка зрѣнія внутренней
свободы и въ тѣхъ случаяхъ, когда сознанію представ-

ляется только одинъ способъ дѣйств-
в і я и когда, слѣдовательно, ему не приходится вы-
бирать между нѣсколькими возможными рѣшеніями. Это
можетъ происходить отъ различныхъ причинъ, и относя-
щіеся сюда случаи разнообразны и многочисленны. Пре-
жде всего сюда принадлежит огромное большинство дѣй-
ствій привычныхъ, характеризующихся указанною чертою.
Если, напримѣръ, я одѣваюсь или раздѣваюсь, обѣдаю
или гуляю, я совершаю много сознательныхъ актовъ, от-
носительно которыхъ, однако, мнѣ не приходитъ въ го-
лову вопроса о моей свободѣ, потому что только эти
акты, а не иные, представляются моему уму въ моментъ
ихъ совершенія. Прежде, когда эти акты еще не были
для меня привычными, когда я обдуманно избиралъ и
предпочиталъ ихъ другимъ, мое отношеніе къ нимъ бы-
ло совершенно иное; тогда при совершеніи ихъ можно
было говорить и о моей свободѣ. Къ той же категоріи
дѣйствій относятся дѣйствія, предпринимаемая подъ
вліяніемъ аффектовъ или въ состояніи необходимой
обороны, когда дѣйствующее лицо лишено возможности
обсудить свое поведеніе и когда ему какъ бы навязыва-
ется извѣстный поступокъ самымъ его положеніемъ. На-
конецъ, сюда же принадлежатъ тѣ проявленія душевнаго
равстройства, когда больной дѣлаетъ одни и тѣ же прак-
тическія заключенія, какія бы послышки ему ни давали
и въ какія условія его бы ни ставили: *Carthago*
est delenda. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ,

благодаря ли привычкѣ, душевному волненію, исключительности положенія или болѣзни, въ умѣ человѣка возникаетъ мысль только объ одномъ опредѣленномъ образѣ дѣйствій, который онъ безъ колебанія и осуществляетъ на дѣлѣ. Эта общая черта, свойственная всѣмъ этимъ равнороднымъ случаямъ, не оставляетъ мѣста сознательному выбору дѣйствій, вслѣдствіе чего вопросъ о свободѣ воли не находитъ здѣсь для себя почвы.

Такимъ образомъ, по существу дѣла, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о свободѣ воли ни тамъ, гдѣ въ движеніяхъ нашихъ отсутствуетъ сознание, ни тамъ, гдѣ поступкамъ нашимъ предшествуетъ представленіе только одного принятаго способа дѣйствій. Выражая ту же мысль въ положительной формѣ, найдемъ, что вопросъ о свободѣ воли имѣетъ мѣсто, во-первыхъ, только въ области нашихъ сознательныхъ дѣйствій и притомъ, во-вторыхъ, только тамъ, гдѣ намъ представляется нѣсколько путей, по которымъ мы можемъ слѣдовать, и гдѣ, повтому, приходится избирать ту или иную дорогу.

Но въ чемъ же здѣсь свобода?

Разумѣется, уже никакъ не въ томъ, что человѣкъ можетъ остановиться на какомъ-либо рѣшеніи случайно, слѣпо, безъ всякаго основанія: это исключило бы участіе разума въ его дѣйствіяхъ, а мы рассматри-

ваемъ теперь только сознательные его поступки. С в о б о д н ы м ъ м ы н а з ы в а е м ъ т о г о , к т о х о д и т ъ в ъ ж и з н и п р и с в ѣ т ѣ р а з у м а . Какъ и всякій, онъ можетъ ошибаться или на мѣрениѣ поступать дурно; но, и ошибаясь или рѣшаясь на дурной поступокъ, тотъ дѣйствуетъ свободно, кто дѣйствуетъ по указаніямъ разума. Наоборотъ, несвободенъ тотъ, кто, пренебрегая его совѣтами, сворачиваетъ въ сторону отъ рекомендуемаго пути подъ вліяніемъ другихъ мотивовъ, поработившихъ его душу. Я поступаю свободно, когда изъ ряда возможныхъ рѣшеній останавливаюсь на томъ, которое нахожу почему-либо наилучшимъ; но если то же рѣшеніе внушено мнѣ какою либо страстью, парализующей вліяніе разума, — хозяиномъ моего поведенія является вспыхнувшее во мнѣ чувство. Педагогъ, наказывающій ребенка, чтобы отучить его отъ дурной привычки, дѣйствуетъ свободно; но если то же наказаніе налагается имъ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, — онъ рабъ овладѣвшаго имъ волненія.

Если предыдущія соображенія вѣрны, то вопросъ о нашей внутренней свободѣ есть вопросъ о п о л о ж е н і и и з н а ч е н і и р а з у м а , какъ мотива дѣйствій, среди другихъ душевныхъ мотивовъ, причемъ подъ разумомъ понимается способность критически взвѣшивать и оцѣнивать возможные направленія нашей дѣятельности. Положительное рѣшеніе вопроса, поставленнаго такимъ образомъ, можетъ заключаться въ

утвержденіи, что разумъ способенъ управлять нашею волею, подавляя всѣ другіе мотивы, а отрицательное, что этой власти ему не дано.

Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ задачи нельзя ожидать одного общаго рѣшенія, принимаемаго ко всѣмъ людямъ, будетъ ли то рѣшеніе положительное или отрицательное: утверждать, что всѣ люди свободны, было бы столь же невѣрно, какъ и утверждать, что всѣ они несвободны. Въ обоихъ случаяхъ суммарное рѣшеніе одинаково не отвѣчало бы дѣйствительности. Въ потенціи, въ возможности, всѣ мы, пожалуй, должны быть признаны свободными, ибо обладаемъ всѣ разумомъ, способнымъ подчинять себѣ наше поведение. Но степень дѣйствительной свободы, которою мы располагаемъ, постоянно измѣняется не только отъ человѣка къ человѣку, но и отъ дѣйствія къ дѣйствию одного и того же лица.

Она измѣняется отъ человѣка къ человѣку въ зависимости отъ темперамента, природныхъ способностей, воспитанія, образованія и т.д. Люди, спокойные по характеру и умные отъ природы, получившіе правильное воспитаніе и хорошее образованіе, могутъ, конечно, лучше управлять собою при помощи своего разума, нежели люди порывистые и горячіе, бѣдные и убогіе духовными дарами, невоспитанные и необразованные. Поэтому-то, между прочимъ, къ первымъ мы всегда относимся въ жизни строже, чѣмъ ко вторымъ, будемъ ли

мы подходить къ тѣмъ и другимъ съ нравственной или юридической оцѣнкой ихъ поведенія.

Степень дѣйствительной свободы измѣняется, далѣе, отъ дѣйствія къ дѣйствию одного и того же лица. Это потому, что наша воля управляется не однимъ разумомъ, но и другими мотивами, съ которыми разумъ вступаетъ въ разнообразныя сочетанія. Между свободными дѣйствіями, гдѣ разумъ является всесильнымъ владыкой, подчиняющимъ себя другія душевныя силы, и дѣйствіями несвободными, совершаемыми наперекоръ разуму и въ угоду влеченій, существуетъ длинный рядъ переходныхъ дѣйствій, въ которыхъ взаимное отношеніе агентовъ души принимаетъ самыя прихотливыя формы. Эти формы представляютъ всевозможныя стѣнки и переливы обнаруженій воли въ зависимости отъ совокупности условій, внѣшнихъ и внутреннихъ, подъ вліяніемъ которыхъ данное лицо находится въ ту или другую минуту.

Отъ дѣйствій свободныхъ, направляемыхъ разумомъ, слѣдуетъ отличать специфическій видъ ихъ — дѣйствій нравственныхъ и безнравственныхъ, добрыхъ и злыхъ. Свободно поступаетъ тотъ, кто сознательно жертвуетъ своими интересами на пользу ближняго, и тотъ, кто намѣренно разоряетъ послѣдняго ради корыстныхъ цѣлей. Оба они дѣйствуютъ свободно, но эта свобода отмѣчена здѣсь нѣкоторою особенною чертою, дающею возможность обсуждать ихъ дѣйствія съ

точки зрѣнія нравственной.

Каждый человекъ, какъ бы бѣдна ни была его духовная жизнь, непремѣнно обладаетъ извѣстною суммою этическихъ понятій о добромъ и зломъ, - о томъ, что онъ обязанъ дѣлать и чего долженъ избѣгать, чтобы выполнить нравственныя требованія и сохранить чистую совесть. Какъ возникаютъ въ насъ эти понятія, гдѣ лежитъ ихъ таинственный и благодатный источникъ, на чемъ покоится ихъ высокое и святое значеніе - вопросы, которыхъ мы здѣсь не касаемся; но эти понятія всегда съ нами, всегда живы и дѣятельны въ душѣ нашей. Усвоенныя и одобряемыя разумомъ, они образуютъ наше внутреннее законодательство, являются руководящими принципами нашей дѣятельности и служатъ мѣриломъ ея моральнаго достоинства. Мы называемъ поступки человекъ нравственными, если онъ подчиняетъ свое поведеніе этическимъ требованіямъ, если онъ сознательно поступаетъ такъ, какъ, по его разумѣнію, онъ долженъ поступать; въ противномъ случаѣ мы считаемъ образъ его дѣйствій безнравственнымъ. Отсюда, съ этой внѣшней стороны, нравственное и безнравственное есть не только свободное, т.е. руководимое разумомъ, но непремѣнно согласованное или несогласованное съ этическими понятіями даннаго лица.

Здѣсь, однако, невольно возникаетъ сомнѣніе, которое необходимо устранить. Могутъ спросить, какимъ образомъ б е з н р а в с т в е н н о е является съ нашей точки зрѣнія въ то же время с в о б о д н ы м ъ

дѣйствиємъ? Вѣдь, если свободнымъ дѣйствиємъ называть дѣйствиє, направляемое разумомъ, а нравственнымъ — подсказываемое этическими понятіями того же разума, то оба вида дѣствій должны всегда совпадать между собой и никогда не расходиться другъ съ другомъ, такъ какъ оба они вытекаютъ изъ одного источника; наоборотъ, безнравственное дѣйствиє, какъ противорѣчащее этическимъ понятіямъ лица и потому осуждаемое его разумомъ, не можетъ имѣть корней въ этомъ послѣднемъ и потому должно быть всегда несвободно. Если подъ вліяніемъ корысти чело- вѣкъ убиваетъ своего ближняго, онъ поступаетъ гнусно, отвратительно; но не поступаетъ ли онъ несвободно, ибо основаніемъ его дѣствія является низко-эгоистическое побужденіе, а не разумъ, который, конечно, находитъ совершаемое дѣло злымъ и грѣховнымъ?

Сомнѣніе покоится на недоразумѣніи. Допустимъ, что основаніемъ дѣствія въ помянутомъ случаѣ является няко-эгоистическое побужденіе, и что самъ виновникъ преступленія находитъ его злымъ и грѣховнымъ съ этической точки зрѣнія. Но если, находя его таковымъ, онъ тѣмъ не менѣе совершаетъ злое дѣло обдуманно и сознательно, намѣренно и съ расчетомъ, то это значитъ, что, осуждая его вообще, онъ призналъ его хорошимъ для себя и въ данномъ случаѣ, а потому предпочелъ поступить такъ, а не иначе; — значитъ, что его разумъ, пренебрегая этическими требованіями, одобрилъ намѣченную преступную цѣль и рѣшилъ осуществить ее. Эгоистическое побужденіе

играетъ при этомъ роль основанія дѣйствія развѣ въ томъ смыслѣ, что оно подсказываетъ его, какъ цѣль; но оцѣнка и выборъ этой цѣли принадлежатъ разуму, если только мы имѣемъ дѣло съ поступкомъ сознательнымъ и намѣреннымъ. Стало быть, разумъ служить здѣсь послѣднею рѣшающей инстанціей въ опредѣленіи дѣйствія, которое, повтому, является свободнымъ. Оно было бы несвободно лишь тогда, когда побужденіе дѣйствовало бы импульсивно и повелительно, стѣсняя разумный выборъ въ направленіи дѣятельности. Въ этомъ случаѣ, - а случаи подобнаго рода могутъ представлять безконечно равнообразные отгѣны и градаціи, - мѣра свободы человѣка понимается соотвѣтственно тому, насколько стѣсненъ разумъ въ проявленіи своего вліянія на наши поступки. Если мы обратимся къ явленіямъ дѣйствительной жизни, то убѣдимся, что нашъ теоретическій выводъ поразительнымъ образомъ совпадаетъ съ тѣмъ, какъ понимается свобода человѣческой воли на практикѣ и въ этомъ нельзя не видѣть новаго аргумента въ пользу нашего взгляда.

Опредѣляя свободу какъ господство разума въ нашихъ дѣйствіяхъ, мы уже предрѣшаемъ тѣмъ самымъ вопросъ о ихъ закономѣрности или необходимости. Нѣтъ,

конечно, сомнѣнія въ томъ, что разумъ въ своихъ операціяхъ дѣйствуетъ не беспорядочно и случайно, но согласно своимъ внутреннимъ основаніямъ, повинаясь присущимъ ему законамъ, которымъ подчинены его движенія. Поэтому свободныя дѣяствія, опредѣляемая разумомъ, столь же закономѣрны и въ этомъ смыслѣ необходимы, какъ и дѣяствія несвободныя, опредѣляемая другими причинами; но закономѣрность первыхъ отличается отъ закономѣрности вторыхъ тѣмъ, что она отмѣчена чертою разумной мотиваціи дѣяствія. Это отличіе весьма существенное и глубокое, полагающее рѣзкую границу между дѣяствіями той и другой категоріи: въ одномъ случаѣ дѣло рѣшается мыслию, въ другомъ - влеченіями. Еще глубже различіе между внутренней закономѣрностью, какъ разумною мотиваціею, и механическою закономѣрностью внѣшней природы. Если здѣсь эта закономѣрность является подъ бездушною формою неизмѣннаго порядка, какъ бы наложеннаго извнѣ, то тамъ она, во-первыхъ, рисуется подъ чертами внутренней у б ѣ д и т е л ь н о с т и доводовъ въ пользу того или другого рѣшенія и потому, во-вторыхъ, является подъ формою дѣятельности т е л е о л о г и ч е с к а г о н а ч а л а, сознательно ставящаго себѣ цѣли и столь же сознательно избирающаго средства для ихъ осуществленія. Не говоримъ уже о томъ, что внутренняя законо-

мѣрность, по вѣрному замѣчанію Ст. Милля, никогда не носить на себѣ характера неодолимой необходимости, который свойственъ многимъ законамъ объективнаго міра.

Но если свободныя дѣйствія отличаются отъ несвободныхъ точно такъ же, какъ и отъ явленій природы, лишь особымъ видомъ закономерности, если, следовательно, они также подчинены закону необходимости, хотя бы и разумной, то какъ помирить съ этою необходимостью идею свободного выбора дѣйствій и связанную съ ней идею моральной отвѣтственности, — двѣ идеи, неистребимо живущія въ душѣ нашей и составляющія основу всей нравственной жизни?

Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ в ы б о р ѣ можетъ идти рѣчь, если всѣ наши дѣйствія подчиняются необходимости, какой бы характеръ послѣдняя ни носила?

Нашъ предыдущій анализъ идеи выбора облегчаетъ рѣшеніе задачи. Выбирать, какъ мы видѣли, не значитъ предпочитать что-либо передъ прочимъ безъ всякаго основанія, т.е. дѣйствовать наобумъ и закрывши глаза. Правда, мы склонны придавать порою такое значеніе выбору, особенно когда говоримъ о свободѣ воли, но это не болѣе какъ злоупотребленіе словомъ. Если мнѣ представляется возможность совершить два различныхъ дѣйствія, то свободный выборъ между ними будетъ заключаться не въ томъ, что

я останавливаюсь на одномъ изъ нихъ безъ всякой причины: такъ можетъ выбирать развѣ автоматъ, а не существо мыслящее, выборъ котораго, если только это, дѣйствит., выборъ, долженъ быть мотивированъ разумомъ, т.е. обусловленъ какимъ нибудь сознательнымъ основаніемъ. Самое понятіе свободного выбора, какъ не связаннаго подобнымъ основаніемъ, есть *contradictio in adjecto*, на что мы уже указывали выше и на чемъ вновь настаиваемъ теперь: выбирать значитъ совершать актъ сознательный и намѣренный, а если сознательный и намѣренный, то по тому самому непременно мотивированный. Мотивъ можетъ быть самый неосновательный и пустой, — положимъ, желаніе доказать свободу выбора, — но онъ необходимо долженъ быть налицо, чтобы былъ выборъ, а не что-либо иное. Поэтому, свободный выборъ между двумя возможными дѣйствіями будетъ заключаться въ томъ, что я предпочту одно изъ нихъ по какому-нибудь сознательному основанію, т.е. поступлю закономѣрно, необходимо, но разумно. Такимъ образомъ, идея свободного выбора не исключаетъ, а необходимо предполагаетъ разумную закономѣрность, въ которой терминъ этотъ теряетъ всякій смыслъ.

Но, допуская, что свободный выборъ закономѣренъ, какъ быть съ идеею моральной отвѣтственности, протестующей, повидимому, противъ всякой закономѣрности? Какъ могу отвѣчать я за дѣйствія, ко-

торня совершены мною подъ давленіемъ закона необходимости, которыя были predeterminedъ этой необходимостью и которыхъ я избѣгать не могъ, ибо не былъ властенъ надъ ними. Ясному пониманію дѣла препятствуетъ традиціонное смѣшеніе понятій, вытекающее изъ ошибочнаго противоположенія объективной идеи необходимости и несоизмѣримой съ нею субъективной идеи свободы, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Это противоположеніе покоится на той мысли, что одна идея всегда и непремѣнно исключаетъ другую, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ мирно уживаются рядомъ, какъ скоро мы отрѣшимся отъ обычной точки зрѣнія, наследственно усвоенной нами. Правда, сдѣлать это не легко, ибо наследственная точка зрѣнія тѣсно сроднилась съ нашею мыслью, вошла въ нашу плоть и кровь и отравилась даже въ самыхъ выраженіяхъ, неточныхъ и сбивчивыхъ, которыми мы пользуемся, рассуждая о свободѣ воли; но тѣмъ не менѣе сдѣлать это необходимо, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ.

Устраняя традиціонное смѣшеніе понятій, прежде всего укажемъ съ отрицательной стороны, что идея нравственной отвѣтственности не допускаетъ, не выноситъ, не терпитъ отрицанія идеи необходимости въ нашихъ свободныхъ дѣйствіяхъ; далѣе постараемся выяснить со стороны положитель-

и о й, что объ эти идея согласуются вполне между собою, нисколько не тѣсня другъ друга въ своемъ со- вмѣстномъ существованіи. То и другое, въ свой че- редъ, поможетъ намъ ближе взглянуть на природу на- шей внутренней свободы.

Нравственная отвѣтственность, - говорятъ намъ, - не имѣетъ никакого смысла, если дѣйствія наши упра- вляются закономъ необходимости: можно ли отвѣчать за то, что творится по неизмѣнному закону природу природы и наступаетъ неотвратимо?

Допустимъ; но въ такомъ случаѣ, за какія же дѣйствія мы можемъ и должны отвѣчать?

Поясняютъ: за дѣйствія свободныя, которыя пред- принимаются нами по нашему почину, виновниками ко- торыхъ являемся мы сами, а не слѣпая необходимость, стоящая надъ нами и связывающая наши движенія; - за такія дѣйствія, причины которыхъ лежатъ въ насъ, въ нашемъ самоопредѣленіи, въ нашей волѣ, а не въ без- душномъ законѣ природы, не знаемъ никакой отвѣт- ственности.

Въ этихъ опредѣленіяхъ, простыхъ и ясныхъ на первый взглядъ, кроется, однако, нѣкоторая неточ- ность выраженій и прямая ошибочность мысли.

Если свободныя и потому нравственно отвѣтст- венныя дѣйствія исключаютъ идею необходимости, то они, согласно выводамъ, подробно развитымъ въ на-

часть нашего сообщения, должны характеризоваться полною случайностью: свободно то действие, которое не вызвано никакою причиною и совершено без всякаго основанія, т.е. действие немотивированное, безмысленное и анархическое, если только можно такое себе представить. Но какая же ответственность мыслима по отношенію къ дѣйствіямъ такого рода? И если бы наша свобода дѣйствительно характеризовалась подобными чертами, то нравственность, опирающаяся на нее, была бы бессодержательнымъ и жалкимъ словомъ, — игрушкою, которая забавляетъ и тѣшитъ ребенка, но не имѣетъ никакой внутренней цѣны.

Очевидно, поэтому, что нравственная ответственность не исключаетъ закона необходимости вообще; въ лучшемъ случаѣ она исключаетъ только извѣстный видъ его проявленія, на что указываютъ, между прочимъ, самыя выраженія приведенныхъ выше опредѣленій. Въ ней говорится о свободныхъ дѣйствіяхъ, виновниками которыхъ являемся мы сами, причины которыхъ лежатъ въ насъ, въ нашемъ самоопредѣленіи, въ нашей волѣ. Въ нихъ, стало быть, отрицается не всякое обнаруженіе необходимости, какъ это понимаютъ обыкновенно, а только проявленіе внѣшней необходимости, господствующей надъ нами и связывающей наши движенія въ качествѣ слѣпого закона природы. При этомъ внутренняя необходимость можетъ сохранять-

ся въ полной силѣ, если только она не носитъ на себѣ характера чего-то чуждаго и посторонняго намъ, подчиняющаго себѣ наше поведеніе.

Такимъ образомъ, нравственная отвѣтственность не только не требуетъ, но больше того, не допускаетъ устраненія въ нашихъ дѣйствіяхъ закона необходимости, который, слѣдовательно, въ томъ или другомъ видѣ долженъ проявлять здѣсь свое присутствіе. Это приводитъ насъ къ другой положительной сторонѣ разсматриваемаго вопроса - выясненію того, какимъ образомъ строптивыя идеи отвѣтственности и необходимости, которыя мы привыкли считать враждебными другъ другу, согласуются между собою и мирно уживаются вмѣстѣ.

Съ о б ъ е к т и в н о й точки зрѣнія наши дѣйствія, подобно явленіямъ природы, подчинены закону необходимости, который властвуетъ надъ всѣмъ мірозданіемъ: они всегда имѣютъ свои причины и всегда вызываются и обуславливаются своимъ предшествующимъ, изъ котораго вытекаютъ съ роковою неизбежностью. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что каждое дѣйствіе какъ-бы навязывается человѣку постороннею силой, которая, обнаруживаясь подъ формою закона необходимости, устраняетъ его свободу. Напротивъ, со стороны с у б ъ е к т и в н о й, съ точки зрѣнія дѣйствующаго лица и тѣхъ душевныхъ мотивовъ, кото-

рне руководятъ имъ, дѣйствию, будучи необходимымъ объективно, можетъ быть въ то-же время вполне свободно. Оно свободно, если избирается м о и м ъ с о з н а н і е м ъ, м о и м ъ р а з у м о м ъ, - свободно по отношенію ко мнѣ, ибо это избирающее сознание или разумъ служитъ выраженіемъ моего Я, какъ послѣдняго основанія моей личности, насколько она открывається самосознанію. Пусть разумъ въ выборѣ своемъ дѣйствуетъ закономерно и необходимо, повинуюсь внутреннимъ принципамъ своей природы; но эти принципы и эта природа - я с а м ъ, а не что либо постороннее и чуждое мнѣ. Поэтому все, что предпринято мною по рѣшенію моего разума, предпринято мною свободно и должно быть занесено въ мой счетъ. Свобода заключается здѣсь именно въ томъ, что это Я дѣйствую, что выборъ принадлежитъ мнѣ, а не навязывается извнѣ или изнутри. Онъ не навязывается извнѣ, потому что рѣшающей инстанціей является мой разумъ. Онъ не навязывается изнутри законами разума, ибо эти законы и составляютъ самый разумъ: здѣсь нѣтъ никакого раздвоенія, непременно предполагаемаго понятіемъ вынужденнаго и несвободнаго рѣшенія. Вслѣдствіе этого, подчиненіе законамъ разума, если только здѣсь уместенъ этотъ терминъ, есть подчиненіе самому себѣ, которое ничуть не нарушаетъ моей свободы. Неужели эта свобода хотя сколько-нибудь стѣсняется тѣмъ, что разумъ мой не въ си-

лахъ отрѣшиться отъ законовъ тождества и противорѣчія, что изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ онъ дѣлаетъ всегда одни и тѣ же заключенія? И неужели свобода должна состоять въ томъ, что сегодня для меня цѣлое болѣе своей части, а завтра - наоборотъ? Да, наконецъ, какъ можно говорить о какой-то свободѣ отъ разума, съ увѣренностью, что за подобною рѣчью скрывается дѣйствительно возможное и мыслимое содержаніе, а не простой наборъ словъ, хотя бы и внушительныхъ?

Намъ могутъ замѣтить, что эти соображенія еще не рѣшаютъ обсуждаемаго вопроса о нравственной отвѣтственности, которая по-прежнему кажется непонятною, какъ скоро свободное дѣйствіе признается подчиненнымъ закону необходимости, въ какомъ бы то ни было его проявленіи. Пусть, - скажутъ намъ, - свободное дѣйствіе совершено человѣкомъ единственно по рѣшенію его разума, безъ всякаго понужденія извнѣ или изнутри; но, вѣдь, оно же закономѣрно, необходимо и потому неизбежно: онъ долженъ неминуемо совершить его и не можетъ поступить иначе. А въ такомъ случаѣ за что же отвѣчать?

Въ этомъ замѣчаніи, отвѣтъ на которое уже содержится въ нашемъ анализѣ идеи выбора опять проглядываетъ смѣшеніе объективной и субъективной точекъ зрѣнія, на что намъ приходится постоянно указывать.

"Не можете поступить иначе"...

Но возможность поступать такъ или иначе, на которой хотятъ основать нравственную отвѣтственность, вновь предполагаетъ возможность безпричинныхъ и бессмысленныхъ дѣйствій, которыя ничему не могутъ служить основой. Разумѣется, нравственная отвѣтственность никакъ не покоится на этой невозможной возможности, вытекающей изъ отрицанія закона необходимости.

По справедливой и глубокой мысли Шопенгауэра, нравственная отвѣтственность обусловливается тѣмъ, что данное дѣйствіе есть МОЕ дѣйствіе, что оно служить проявленіемъ МОЕЙ личности, что въ немъ скрывается и обнаруживается **д у х о в н а я м о я п р и р о д а**, - словомъ, что дѣятелемъ и отвѣтственнымъ лицомъ является одинъ и тотъ же субъектъ. Нужды нѣтъ, что, совершая то или другое дѣйствіе, я не могъ поступить иначе; но это дѣйствіе моихъ рукъ дѣло, за которое, естественно, отвѣчаю я. Поэтому то именно мое поведеніе радуется или печалитъ меня, что въ немъ выражается не случайный мой произволь, не капризъ или иной проблескъ минутнаго настроенія, а мое дѣйствительное нравственное достоинство. Потому-то, съ другой стороны, дѣйствія, не отвѣчающія моему характеру, вызванныя какими-либо исключительными причинами, никогда не задѣваютъ меня такъ глубоко, какъ дѣйствія, служащія выраженіемъ

моихъ свойствъ: тѣ первыя являються какъ-бы чуждыми мнѣ, навязанными положеніемъ, тогда какъ эти вторыя рисуютъ меня, какъ моральную личность.

Но Шопенгауэръ неправъ въ другомъ отношеніи. Усматривая основаніе нравственной отвѣтственности въ обнаруженіи нашего моральнаго характера въ отвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, онъ утверждаетъ, что этотъ характеръ прирожденъ человѣку и потому остается неизмѣннымъ въ теченіе всей жизни, отъ колыбели и до могилы. Это утвержденіе, имѣющее свой корень въ его метафизикѣ, слишкомъ рѣзко и безповоротно поставлено, чтобы можно было съ нимъ согласиться.

Конечно, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что характеръ человѣка, если онъ вполне сложился и окрѣлъ, представляетъ собою болѣе или менѣе стойкую и упругую величину. Но нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что даже сложившійся и окрѣпшій характеръ можетъ подлежать дальнѣйшему измѣненію и воздействию, какъ это допускаетъ самъ Шопенгауэръ, указывая, не безъ противорѣчія себѣ, на возможность для человѣка коренныхъ нравственныхъ переворотовъ, преобразующихъ его личность. Еще въ большей степени способны къ измѣненію и воздействию характеры образующіеся, не успѣвшіе отлиться въ опредѣленныя и законченныя формы. На этомъ, между прочимъ, основывается воспитаніе, которое въ умѣлыхъ рукахъ достигаетъ поразительныхъ результатовъ, какъ, напримѣръ, наглядно убѣждаетъ въ

этомъ иезуиты.

Если опредѣлять и измѣрять характеръ силою воли, составляющею едва ли не самую важную и существенную его сторону, то, съ нашей точки зрѣнія, онъ представляетъ собою способность человѣка подчинять свое поведеніе требованіямъ разума. Само собою понятно, что эта способность, данная въ зачаткахъ рожденіемъ, не остается неизмѣнною: она съ теченіемъ жизни развивается и крѣпнетъ въ той мѣрѣ, въ какой мы сами или окружающія лица заботятся объ ея развитіи и укрѣпленіи. Здѣсь трудно даже указать предѣлы, гдѣ должно кончатся развитіе. Крѣпость воли можетъ достигнуть той высоты, на которой разумъ человѣка является полнымъ властелиномъ его дѣйствій, подчиняя себѣ въ извѣстныхъ и далеко не узкихъ границахъ даже его физиологическія потребности. Древніе циники и христіанскіе аскеты служатъ прекрасными примѣрами нашей, повидимому, безграничной способности развивать и совершенствовать волю при заботливомъ и внимательномъ отношеніи къ себѣ.

Мы могли бы здѣсь остановиться; но будетъ не лишнимъ сдѣлать еще одно поясненіе, въ предупрежденіе возможныхъ недоразумѣній.

Духовная свобода человѣка, согласно нашему опредѣленію, сводится къ вліянію разума на волю и измѣряется степенью этого вліянія. Но психологія учитъ, что самъ разумъ необходимо требуетъ содѣйствія воли

въ своихъ операціяхъ. Это содѣйствіе обнаруживается активнымъ вниманіемъ, безъ котораго возможна простая смѣна представленій по законамъ ассоціаціи идей, но невозможно мышленіе въ собственномъ смыслѣ; а между тѣмъ оно-то именно и важно въ занимающемъ насъ вопросѣ о свободѣ воли. Поэтому, представляется неяснымъ, какимъ образомъ разумъ можетъ вліять на волю и опредѣлять направленіе ея дѣятельности, если самъ онъ обусловливается ею въ своихъ операціяхъ? Обусловливаемое, казалось бы, не можетъ быть въ то же время обусловливающимъ по отношенію къ тому, чѣмъ оно обусловливается.

Совершенно вѣрно. Но, съ другой стороны, та же психологія утверждаетъ, что воля, въ свою очередь, невозможна безъ сознанія, ибо даже въ элементарныхъ проявленіяхъ она не можетъ быть безпредметною: я не могу просто только желать, не сознавая объекта своего желанія. Стало быть, если разумъ не способенъ оперировать безъ содѣйствія воли, то и воля въ своихъ обнаруженіяхъ также не способна обойтись безъ помощи разума. Поэтому, мы можемъ съ равнымъ основаніемъ направить приведенное возраженіе противъ обѣихъ душевныхъ силъ, причѣмъ взаимное отношеніе ихъ останется одинаково неяснымъ, подчинимъ ли мы волю разуму, или обратно.

Разгадка затрудненія, думается намъ, лежитъ въ томъ, что разумъ и воля не представляютъ собою

отдѣльныхъ и самостоятельныхъ силъ души; они кажутся таковыми лишь аналитической мысли нашей. Вмѣстѣ съ чувствованіями разумъ и воля являются, въ сущности, только своеобразными проявленіями единой душевной силы, которая въ нихъ обращается къ намъ различными своими сторонами. По мнѣнію наиболѣе авторитетныхъ современныхъ психологовъ, въ каждомъ душевномъ явленіи всегда присутствуютъ всѣ элементы психической жизни, но въ степени равной, чѣмъ и объясняется различіе этихъ явленій. Обыкновенно одинъ изъ этихъ элементовъ преобладаетъ надъ прочими, окрашивая собою все явленіе. Смотря по тому, какой элементъ преобладаетъ, мы различаемъ явленія сознанія, воли и чувствованія. Съ этой точки зрѣнія, приведенное возраженіе падаетъ само собою, какъ скоро въ предлагаемой формулѣ мы сдѣлаемъ соответственную редакціонную поправку: свобода воли состоитъ въ тѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ рѣшающая роль принадлежитъ душевной силѣ, какъ агенту сознательному и разумному по преимуществу. Именно на счетъ этой стороны души, а не какой-либо иной, должна быть отнесена наша свобода, ибо выражающія ея дѣйствія характеризуются, какъ мы видѣли, сознательностью и выборомъ направленія дѣятельности, т.е. намѣренностью поступковъ.

Оканчивая наши соображенія, замѣтимъ, что вопросъ о свободѣ воли, въ томъ видѣ, какъ мы его формулируемъ, переносится въ области психологическаго изслѣдованія, тогда какъ до сихъ поръ онъ рассматри-

вался и рѣшался по преимуществу метафизикою. Причисленіе его къ метафизическимъ проблемамъ съ необходимостью вытекало изъ самой его постановки: свобода противопоставалась закону необходимости или причинности и вмѣстѣ съ тѣмъ являлась отрицаніемъ времени, что самымъ тѣснымъ образомъ связывало ее съ метафизическими задачами. Какъ скоро такая постановка вопроса признается невѣрною, прежняя связь его съ метафизикою порывается сама собою. Можетъ быть, при ближайшемъ изученіи дѣла связь эту вновь придется возстановить, но во всякомъ случаѣ уже на другихъ основаніяхъ.

Относя вопросъ къ области психологіи, нужно ли прибавлять, что надлежащее его рѣшеніе требуетъ внимательнаго и всесторонняго анализа взаимныхъ отношеній совнанія, воли и чувствованія и болѣе или менѣе точнаго опредѣленія ихъ роли въ нашихъ дѣйствіяхъ. Не претендуя на выполненіе этой задачи, мы старались на предыдущихъ страницахъ указать только путь, котораго, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ держаться въ данномъ вопросѣ, при чемъ бѣглыми чертами намѣтили представляющееся намъ рѣшеніе на этомъ пути. Не скрываемъ отъ себя, что въ нашемъ изложеніи многое не принято во вниманіе; охотно допускаемъ даже, что въ тѣхъ или иныхъ частныхъ выводахъ встрѣчаются, быть можетъ, промахи, просмотрѣнные нами. Но въ общемъ и цѣломъ взятое нами направленіе кажется намъ тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что самыя глубокія рѣшенія по вопросу о свободѣ воли, на примѣръ,

ученіе Канта, легко поддаются истолкованію въ духѣ защищаемыхъ нами взглядовъ, если, конечно, отбросить отъ этихъ рѣшеній все то, что съ необходимостью обуславливалось традиціонною постановкою проблемы. Въ социалѣнію, мы не можемъ коснуться здѣсь этой любопытной стороны дѣла, которая могла бы составить предметъ особаго разсмотрѣнія.

V. СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ ВЪ ВОПРОСѢ

О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Въ заключеніе намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по одному частному вопросу, которому еще такъ недавно придавали большее значеніе въ сужденіяхъ о духовной свободѣ человѣка. Мы разумѣемъ статистическія данныя, казавшіяся одно время важнымъ аргументомъ въ пользу детерминизма.

Первое систематическое примѣненіе статистическаго метода къ рѣшенію этическихъ вопросовъ было сдѣлано еще въ срединѣ прошлаго столѣтія Эсмильхомъ, который при помощи цифръ хотѣлъ показать присутствіе "божественнаго порядка въ измѣненіяхъ человѣческаго рода", какъ это выражено въ самомъ заглавіи его сочиненія. Попытка Эсмильха долго оставалась, однако,

одинокою и не обращала на себя вниманія. Только столѣтиемъ повдигше, съ появленіемъ трудовъ Кетла, статистическій методъ получилъ право гражданства въ такъ называемой моральной статистикѣ, имѣющей прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Въ отличіе отъ Эюсмилля, стоявшаго на богословской точкѣ зрѣнія общественнаго міропорядка, Кетла, въ духѣ своего времени, отправлялся отъ идеи господства въ жизни и дѣятельности человѣка и общества постоянныхъ законовъ, выясненіе которыхъ, раскрывая причинную связь и взаимную зависимость явленій въ этой области, составляетъ задачу моральной статистики. Отсюда оставался одинъ шагъ до заключеній по вопросу о духовной свободѣ человѣка, при существующемъ взглядѣ на нее, какъ на отрицаніе причинности. Самъ Кетла этого шага не сдѣлалъ, остановившись на полдорогѣ, но онъ былъ сдѣланъ его единомышленниками и послѣдователями тѣмъ рѣшительнѣе, что представлялся имъ прямымъ выводомъ изъ основныхъ и доказанныхъ положеній статистики.

Въ самомъ дѣлѣ, статистическія данныя удостовѣряютъ неоспоримымъ образомъ, что міръ явленій, въ которыхъ активнымъ или пассивнымъ факторомъ служитъ человѣкъ, управляется неизмѣнными законами, какъ и физическій міръ, и что съ этой стороны поступки людей и различныхъ событія ихъ жизни, ваяты въ достаточномъ числѣ, выражаютъ собою необходимыя слѣдствія не всегда видныхъ, но постоянно дѣйствующихъ причинъ. Статистикою твердо, напримѣръ, констатировано, что число браковъ между холостыми и незамужними, между молодыми людьми и

старухами или наоборотъ, число рожденій, убійствъ, случайныхъ ссоръ, благодарній, число писемъ, недо-
 ставленныхъ вслѣдствіе ошибки, неточности или от-
 сутствія адреса и т. д., — что всѣ эти числа повто-
 ряются изъ года въ годъ съ поразительной правильно-
 стью и постоянствомъ, обыкновенно представляя собою
 постепенно возрастающія или убывающія прогрессіи.
 Даже самоубійства, которыя считаются явленіями наи-
 болѣе произвольными, даютъ тѣ же правильные ряды
 цифръ, какъ показавъ А. Вагнеръ, и притомъ не толь-
 ко вообще, но по полу, возрасту, даже по роду изби-
 раемой смерти. Это поразительное постоянство въ яв-
 леніяхъ частной и общественной жизни, наглядно выра-
 жаемое цифрами, несомнѣнно указываетъ на присутст-
 віе здѣсь постоянныхъ законовъ, управляющихъ нашей
 судьбою. Отсюда совершенно послѣдовательно заключа-
 ютъ, что существованіе этихъ законовъ, подчиняющихъ
 себѣ жизнь человѣка во всѣхъ сторонахъ и проявлені-
 яхъ, должно необходимо исключать его духовную сво-
 боду, понимаемую въ смыслѣ противоположенія необхо-
 димости или причинности.

Конечный выводъ, естественно вытекающій изъ та-
 кого пониманія свободы, намъ кажется совершенно не-
 состоятельнымъ при правильномъ взглядѣ на эту по-
 слѣднюю. Статистическія цифры, бесспорно, доказыва-
 ютъ, что всѣ явленія жизни подчинены постояннымъ за-
 конамъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы эти за-
 коны непременно исключали нашу свободу. Они могутъ

исключать ее, но могут и не исключать. Иначе говоря, статистическія данныя одинаково мирятся какъ съ положительнымъ, такъ и съ отрицательнымъ рѣшеніемъ вопроса о свободѣ воли, если только онъ понимается должнымъ образомъ. Что они мирятся съ отрицательнымъ рѣшеніемъ, — ясно само собою; но что они не противорѣчатъ и рѣшенію положительному, въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія соображенія.

Представимъ себѣ, ради простоты дѣла, что человѣкъ одаренъ абсолютною свободою воли. Съ точки зрѣнія, нами защищаемой, это значитъ, что его воля въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется разумомъ, который является господствующей душевной силой. Но разумъ въ своихъ отправленіяхъ дѣйствуетъ закономерно: при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при однихъ и тѣхъ же данныхъ, подлежащихъ его обсужденію, онъ долженъ приходить къ однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ и выводамъ; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что изъ одинаковыхъ посылокъ разумъ способенъ дѣлать различныя заключенія, что, напр. дважды два не всегда и не для всякаго — четыре. Поэтому, свободныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ за извѣстный періодъ времени должны непременно выразиться въ правильномъ рядѣ цифръ, если мы предположимъ, что эти лица находились въ данное время приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ, на которыя они, естественно, отзывались одинаковымъ образомъ. Остается рѣшить, возможно ли такое предположеніе?

Отвѣтъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Наше предположеніе не только возможно, но обявательно въ виду того прочно установленнаго факта, что явленія общественной жизни, сплетаясь между собою, обуславливая другъ друга и оказывая взаимное вліяніе всегда образуютъ дляціяся состоянія относительно равновѣсія | *consensus* |, которыя переходятъ въ новыя формы путемъ медленнаго превращенія отдѣльныхъ составныхъ элементовъ. При нормальномъ теченіи жизни, не возмущаемомъ исключительными событіями, общественныя состоянія представляютъ, стало быть, болѣе или менѣе устойчивыя сочетанія солидарныхъ явленій, измѣняющіяся лишь постепенно и по частямъ.

Понятно, что такая устойчивость состояній общества должна вести къ соответствующей устойчивости дѣйствій его членовъ, отражаемой постоянствомъ статистическихъ цифръ, а процессъ постепеннаго измѣненія этихъ состояній долженъ, въ свою очередь, сказываться соответственными колебаніями упомянутаго постоянства, обнаруживающимися въ рядахъ возрастающихъ или убывающихъ прогресій статистики.

Такимъ образомъ, рѣшительно все равно, опредѣляется ли наша воля разумомъ или совокупностью другихъ условій, т.е. свободна или несвободна она, - дѣйствія людей могутъ одинаково давать правильные ряды цифръ. Въ первомъ случаѣ эти цифры будутъ выражать собою господство въ человѣческой жизни разум-

ной закономерности, во второмъ онѣ являются выраже-
ніемъ необходимыхъ отношеній иного рода. Но, чтобы
они выражались ими, въ интересующемъ насъ вопросѣ,
онѣ, очевидно, не могутъ имѣть значенія доказательствъ
въ пользу или противъ духовной свободы человѣка.

Ради простоты дѣла мы допустили выше, что чело-
вѣкъ обладаетъ абсолютною свободой, которою, однако,
онъ не располагаетъ въ дѣйствительности. Мѣра его
дѣйствительной свободы весьма ограничена и условна:
она измѣняется, какъ мы видѣли, не только отъ чело-
вѣка къ человѣку, но и отъ дѣйствія къ дѣйствию од-
ного и того же лица. Поэтому, въ жизни поступки сво-
бодные постоянно чередуются съ несвободными, причемъ
какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ равнообразныя степени
и оттѣнки. Съ этой точки зрѣнія данныя моральной ста-
тистики представляютъ собою комбинированный резуль-
татъ сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ наша духов-
ная свобода, направляемая разумомъ, играетъ роль
лишь одного изъ многихъ слагаемыхъ.

К о н е ц ъ .

---ooOoo---

Издатель В. С. Василевскій.